

13. Битов А. Три «пророка» // Вопросы литературы. 1976. № 7.
14. Зырянов О. В. Русская интимная лирика века: проблемы жанровой эволюции. Екатеринбург, 1998.
15. Дарвин М. Н. К проблеме героя в любовной лирике Тютчева: («Я помню время золотое. ...») // Филологические науки. 1981. № 3.
16. Зунделович Я. О. Этюды о лирике Тютчева. Самарканд, 1971.
17. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994.
18. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
19. Блок А. А. Дневник. М., 1989.
20. Михайлов М. Л. Избранное. М., 1979.
21. Топоров В. Н. Заметки о поэзии Тютчева: (Еще раз о связях с немецким романтизмом и шеллингианством) // Тютчевский сборник: Ст. о жизни и творчестве Ф. И. Тютчева. Таллинн, 1990.
22. Чижевский П. Б. Диалог культур в лирике Ф. И. Тютчева (романтизм и мифология) // Жанр и проблема романтизма. Махачкала, 1982.
23. Гуковский Г. А. Некрасов и Тютчев: (К постановке вопроса) // Н. А. Некрасов: Статьи, материалы, рефераты и сообщения: Науч. бюлл. Ленинград. ун-та. 1947. № 16–17.
24. Корман Б. О. Некрасов и Тютчев: (Заметки) // Некрасовский сборник. Вып. 3. М.; Л., 1960.
25. Скатов Н. Н. Еще раз о «двух тайнах русской поэзии» // Скатов Н. Н. Некрасов: Современники и продолжатели. М., 1986.

Елена Николаевна ЭРТНЕР –
доцент кафедры русской литературы
кандидат филологических наук

Образ сибирского дома в русской прозе конца XIX–начала XX веков: феномен территориальности

УДК 821.161.09

АННОТАЦИЯ. В статье на материале русской натуралистической прозы рубежа XIX–XX вв. рассматривается поэтика пространственного переживания сибирского (тюменского) дома в ее территориальной (географической) обусловленности.

In this article the author dwells upon the spatial phenomenon of a Siberian house in its territorial dependence. The material of the analysis is Russian naturalistic prose.

Традиционное русское видение мира, воссозданное классикой, как отмечает В. Н. Топоров, «по преимуществу пространственно, более того, географично» [1: 270]. Вывод исследователя подтверждают размышления Н. В. Гоголя: «История изредка должна только озарять воспоминаниями географический мир. Протекшее должно быть слишком разительно и разве уже происходить из чисто географических причин, чтобы заставить вызывать его» [2: 256].

В русской литературе, обращающейся к территориальной, географической образности, очевидна ее связь с географией. И если существуют историческая проза и исторический роман, терминологически закрепляющие историческое содержание и особенности подхода автора к историческому факту, то соответственно можно говорить и о географической прозе и географическом романе в русской литературе,

то есть прозе и романе *места*. В искусстве рубежа XIX–XX вв. противопоставлены друг другу пространство и место (географическая территория), воплощающиеся в символистской поэтике как пространство и в натуралистической — как место и получающие сложные родо-видовые вариации в искусстве этих стилевых направлений. Поэтика места открывает заново «областную» литературу и натуралистическую прозу П. Д. Боборыкина, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Н. Г. Гарина-Михайловского, Н. А. Лухмановой и других.

Географическая образность русской литературы должна быть исследована вне традиционной субъект-объектной точки зрения на взаимоотношения человека и места. Сегодня эта признанная парадигма начинает противоречить принципиально новым идеям, которые встроить в нее оказывается невозможно.

Географическая окрашенность пространства натуралистической прозы проявляет себя и на уровне образа дома. Дом в литературе — это образное выражение *личных связей* человека и места. Но, кроме того, он «организуется» не только самим человеком, но и территорией, на которой он возводится. Земля в данном случае «территорируется» в доме. Целью данной работы и явится исследование образа сибирского дома в русской натуралистической прозе.

Тюмень, как известно, является «воротами» Сибири, и за ними, в буквальном смысле слова, открывается новая по отношению к России жизнь. Даже Екатеринбург, город в «начале» Азии, перед которым проходит деление материка на европейскую и азиатскую части, еще представляет тот — европейский — мир. Известный русский писатель Н. Д. Телешов в исследовательском путешествии по Сибири 1894 г. почувствует это и заметит: «Хоть и говорят, что Екатеринбург — ворота в Сибирь, но по всей справедливости это название заслуживает Тюмень... едва переступишь порог тюменского вокзала, едва очутишься по ту сторону, как все изменяется... потому что — Сибирь! Здесь уже истинная Сибирь, и не только географическая, а характерная, бытовая Сибирь» [3: 152].

«Характерная, бытовая» Тюмень ярче всего воплощается в образе дома. И «взгляд» на него стороннего наблюдателя: «чужого», «пришлого» человека, путешественника или ссыльного — неизбежно будет отличаться от «переживания», ощущения дома родившегося здесь человека, «хозяина». Конфликтное поле разнообразных «ракурсов» сибирского дома, бытового и духовного пространства (дом как самовыражение человека), и будет нам интересно.

Дом изначально вбирает в себя культурную традицию, историю и «самостояние» человека. Тюменский дом и его уклад жизни вызывают особенный интерес, поскольку он, конечно, и русский дом, но в своеобразном сибирском варианте. Это точно было подмечено Г. Н. Потаниным в работе «Нужды Сибири» (1908): «В уме русского жителя Сибири живет неизгладимое сознание, что он живет не на родине того ядра русского народа, которое создало русское государство, русскую литературу, русскую политическую жизнь, и ему не побороть в себе желание продолжать работу русского племени в формах не старых, а новых, соответствующих новой обстановке» [4: 267–268].

Известно, что Тюмень в литературе предшествующих веков (XVIII–XIX) предстает как город торговый, промышленный, купеческий. В восприятии читателя русский купеческий дом и уклад жизни купечества изначально ассоциируются с образностью произведений А. Н. Островского, А. П. Чехова, П. Д. Боборыкина и многих других писателей. Мир «темного царства» и фигура «чумазого», «смазного сапога», «пьяницы» и «самодура», возникают в нашем сознании благодаря «купеческой» мифологии, созданной отечественной литературой.

Однако, как отмечают исследователи, существует не только общее, но и, напротив, отличное в природе купечества европейской части страны и Сибири. Это, од-

новременно, и одно сословие, и два разных: «Купечество в России и купечество в Сибири, казалось бы, одно и то же сословие, тот же образ жизни, те же понятия, то же почти образование. Чем вы отличаете их друг от друга? А разница между тем есть, да и немалая. В России впереди купечества стоит другое сословие, не менее богатое и вдобавок далеко просвещеннее него — дворянство. У нас в Сибири дворянства вовсе нет почти, и во главу угла всех наших сословий, разумеется, по весу и значению в обществе мы должны поставить купечество» [5].

Купечество выступает не только «дикой» силой, но и двигателем прогресса Сибири. Позаботиться о процветании города и его жителей кроме «отцов города» больше никому. А потому и дом купеческий в Тюмени самый богатый и просвещенный, в нем первом проступают «следы цивилизации». Образ богатого города создают купеческие дома: «Каменных домов в Тюмени, принадлежащих частным лицам, немало, но зато все они довольно обширные и хорошо выстроены потому, что принадлежат большей частью богатому купечеству» [6: 78]. Тюмень олицетворяет и богатство всего дома под названием Сибирь. Об этом скажет Ф. М. Достоевский: «Тюмень намного превосходит Омск и Семипалатинск. Многие здесь говорили о том, что Сибирь — страна богатая и торговая» [7: 148]. Дом — это всегда утверждение самобытности и самодостаточности места. Дом олицетворяет пространство «свое», безопасное, культурное, он изначально противостоит «чужому», полному опасности месту. Сибирский дом всегда скрыт за высоким забором: «...строились дома старинным манером, с высокими крышами, двор обносился высоким забором почти наравне с верхом ворот» [8: 397]. Такой дом видится проезжающему крепостью: «...тяжелые... дома... как крепости, с вечно задвинутыми на запор воротами» [9: 212].

Обособленный, закрытый мир, Дом тюменца представляет собой если и не крепость, то хорошо охраняемое «помесье». Диктуется это, прежде всего, соображениями безопасности. Дом-крепость противостоит «лихому» пространству города и тайги, где обитают варнаки и «гулящие люди» (в значении: люди, не имеющие определенного места жительства), и их «набегам». Поэтому дом всегда стоит в окружении многих домашних построек.

Дом кожевника Круторогова в романе Н. А. Лухмановой «В глухих местах» (1895) — «целая усадьба...окруженная сараями, конюшнями и другими хозяйственными постройками», а «напротив и рядом с домом... такие же «дома-помесья» разных кожевенных заводчиков» [10: 150]. Дом противостоит улице как открытому пространству «лихих людишек»: «За задними же воротами третьего двора шла длинная пустая улица, по которой с противоположной стороны тянулся высокий бесконечный забор, выкрашенный в цвет крови». Дома города вступают между собой в конфликт. Они враждебны по отношению друг к другу, а потому и прячутся за высокими заборами. За «свой забор» не хочется выглядывать, так как увидишь лишь страшный забор соседа — гиперболизированный символ русской провинции.

Традиционные мотивы сибирского дома — крепости в русской литературе: огромные ворота, высокий забор, крепкие замки, всегда на службе «злые привратники-татары», видимо, особенно хорошо выполнявшие свои обязанности. Образ Тюмени как «глухого места» в русской прозе создается и на уровне мотива «глухого ворчания» сторожевого пса. Собака изначально не любит «чужого», оберегая «своего», она и есть символ дома-крепости.

Сибирский деревенский житель чувствует себя в городе настоящим путешественником. Такое впечатление «наблюдателя» передает Н. М. Чукмалдин в своей автобиографической книге «Мои воспоминания»: «Идешь, идешь по улицам и конца не видно. А какие дома большие да высокие! Вот дом Зырянова, каменный, большущий-пребольшущий: два этажа, внизу лавки с железными дверями, а двор весь выстлан плазами» [11: 61]. Но и в это великолепие дома и деревянного двора вдруг

неожиданно врывается звук бешеного собачьего лая. «Картинка» дома влечет за собой и «вечное» звуковое оформление жизни сибиряка: «Я стал припоминать и огромных собак, что как залают, так и отдается по всем постройкам. Страшно даже туда войти».

В портрете города наблюдается закономерность: чем ближе к центру, тем «дома... крупнее, заборы выше, ворота крепче». Пространство дома всегда «отгорожено высокою оградой», но, и «обойдя ее, попасть туда невозможно — вас встретят крепкие ворота». Казалось бы, ворота (дверь, калитка) изначально являются символом взаимосвязи двух пространств: внутри ограждения и за его пределами. Но здесь они существуют не для того, чтобы поддерживать связь с миром, напротив, это еще один «крепкий запор». Тот же принцип замкнутости реализуется в «территориальной» символике: Ивановский монастырь «лежит на равнине, отрезанной, как ломоть, от окружающего его леса», сама «равнина замыкается» и т. д.

Стороннему наблюдателю в городе бросается в глаза «домашний образ жизни» обывателей, рассказать о городе, с его точки зрения, трудно: «...описывать ли Тюмень? ... В нем 45 тысяч жителей, но их не видно, по сибирскому обычаю все сидят по домам» [12: 143]. Тем самым окончательно закрепляется миф о Тюмени как «домашнем» — закрытом, а не «общественном» — открытом — городе: «Жизнь замкнутая и глухая, домашняя». Слово «домашняя» в этом контексте получает негативную эмоциональную окраску. Это образ жизни, который следует решительно изменить. Но на «домашнюю жизнь» тюменца можно посмотреть и иначе.

Дом — оберегаемое, скрытое, «свое» пространство, мир внутренней жизни. Нет возможности заглянуть в окно с улицы, подсмотреть за обитателями дома, застать их врасплох. Только дом-крепость может защитить оседлого сибирского человека, укрыть его от «чужого» взгляда, позволить ему остаться наедине с самим собой. Городские улицы, хорошо охраняемые дома, расположенные в глубине многочисленных дворов, подстегивают любопытство путешественника, вызывают желание проникнуть в тайну «чужой» жизни.

Только иногда можно увидеть, что делается внутри дома, и, как правило, это дом простого человека, у которого и красть-то нечего. Взгляд стороннего наблюдателя в очерках А. П. Чехова «Из Сибири» фиксирует пространство дома. Путешественника интересует жизнь человеческая во всех ее проявлениях: «Дверь приотворена, и сквозь сени видна другая комната, светлая и с деревянными полами. Там кипит работа. Хозяйка, женщина лет 25, высокая, худощавая, с добрым, кротким лицом, месит на столе тесто; утреннее солнце бьет ей в глаза, в грудь, в руки, и, кажется, она замешивает тесто с солнечным светом» [13: 15]. Мир за приоткрывшейся дверью неожиданно добр и радостен, тепел. Солнечный свет окрашивает и согревает его. Тесто, замешенное добрым человеком, да еще с «солнечным светом», после выпечки явится румяным хлебом. Кухонные семейные хлопоты воспринимаются путником в данном случае как идиллия.

Пространство «семьи», семейного дома контрастно по отношению к самому городу, олицетворяющему у А. П. Чехова «ад»: «Квартиры в городах скверные, улицы грязные, в лавках все дорого, несвежо и скудно, и многого, к чему привык европеец, не найдешь ни за какие деньги». Кажется, что в чеховских очерках «Из Сибири» два разных человека воспринимают город. Один видит Сибирь местом, в котором тоже «люди живут», другой предстает в образе холодного и требовательного европейца, подчеркивающего, насколько захолустье отстало от «настоящей России». От такого взгляда, скорее всего, и укрываются тюменцы за высокими заборами.

Портрет городского дома включает в себя и описание окон, «закрытых» цветами: «Он глядел своими четырьмя подслеповатыми окнами в мутные воды Т-ы; все так же, как и прежде, зеленоватые стекла его окон были изнутри заплетены зубча-

тыми листьями дикого винограда, сквозь прорези которых круглые цветы герани льнули к самому стеклу, как красные губы невидимого лица» [10: 132]. Становится понятно, что внутрь дома не пускают не только запертые и хорошо охраняемые ворота, взгляд любопытного остановит и цветник на подоконнике. Ночью окна закрыты ставнями, а днем они «изнутри заплетены» растениями.

Маленькие «подслеповатые» окна заставляют цветы тянуться к свету, «льнуть» к стеклам. У читателя создается ощущение, что цветы выглядывают из окон, хотят вырваться из дома, освободиться. Но в то же время цветы, как и хмурые и подозрительные жители этих мест, «следят» («глядят») за тобой. И их «невидимые лица» угадываются по «красным губам» герани. Такой портрет тревожит, не позволяет забыть о себе. Цветовой контраст зеленого и красного только усиливает впечатление. Окна города пугают путника, и беззащитные цветы вдруг видятся ему агрессивными. Кроме того, это фрагмент «вечного» города: дом с геранями и виноградом в окнах так выглядит всегда («как и прежде»). Тюмень как «глухое место», в котором стоят дома-крепости, зрительно ярко предстает в образе дома «с цветами».

Очевидно, что цветы, живые, яркие и прекрасные, вовсе не сибирского происхождения: они жители далекого цветущего юга. Герани и виноград появились «за окном» благодаря усилиям человека, решившего преодолеть «царство снега и холода», увидеть лето зимой. И потому растения, комнатные цветы видятся «постороннему» союзниками горожан: они скрывают тайну дома. Но если есть тайна, то в нее всегда хочется проникнуть и открыть для себя внутреннее пространство тюменского дома. Не случайно о сибирском доме замечено: «Только сами хозяева хорошо знали свои горницы и уюты, всякий другой человек спутался бы там, как в лабиринте» [14: 343].

Взгляд на одно и то же пространство «со стороны» и «изнутри» являет, кажется, в литературе XIX века два разных мира: «Дом...был деревянный, одноэтажный, в нем, по сибирскому обыкновению, было удивительное количество окон, что придавало некоторым комнатам, густо заставленным притом цветами, вид каких-то оранжерей» [10: 150]. Сибирский дом хочет вобрать в себя как можно больше солнечного света. Наконец, в Тюмени существует традиция размещать в простенках высокие зеркала в узких деревянных рамах. Входя в такую гостиную, человек испытывает чувство, будто в комнате нет простенков, а есть только одно огромное окно, выходящее сразу на две стороны дома (гостиная, как правило, располагалась в угловой комнате). И тогда, действительно, комнаты, полные экзотических цветов, выглядят как «какие-то оранжереи». Но увидеть, понять это может только «приглашенный» в дом, «посвященный» в тайну внутреннего уклада его жизни. Чудесные цветы тоже жители тюменского дома.

Мир кельи игуменьи Ивановского монастыря предстает в романе Н. А. Лухмановой как «райское место»: «Громадные олеандры цвели душистыми пунсовыми и белыми гроздьями, большие бледные и ярко-красные розы, раскинувшие, как в истоме, широкие лепестки, занимали у окон целую скамейку, резеда, гиацинты, левкой теснились всюду на подоконниках и столах. В углах в огромных кадках росли целые деревья китайских роз, на которых, казалось, было больше цветов, чем листьев. Сладкий приятный аромат мог непривычного человека довести до одури» [10]. Пространство этой роскошной оранжереи, с ее прекрасными и редкими растениями, чудесным ароматом цветов, кажется раем, не слышно только пения птиц. «Райское место» цветет и благоухает. Цветы окружают человека, вовлекают его в свой мир, в котором он почти забывает себя.

Поэтика «чудесного» реализуется и в описаниях дома и сада И. Я. Словцова: образы «самодельного аквариума» [15: 66], полного необыкновенных трито-

нов (чудесные существа), тропических растений, которым, казалось бы, нет места в Сибири, «чудного цветка», «целебных травок» (мотив чудесного исцеления). Метафорические сравнения (лианы — «живые обои», цветы — «звезды» в «небе зелени») воссоздают поэтический, чудесный интерьер, позволяют представить «переживание» этого места человеком. Сад отражает и лесное пространство сибирского края, территории: в нем «уживаются» и березы, и кедры.

В автобиографических очерках Н. М. Чукмалдина «Мои воспоминания» тюменский дом открывается в новом ракурсе: замкнутое пространство не маленькое и глухое, а просторное, где человек чувствует себя легко; в доме много хорошо устроенного, интересного. Попадая в этот мир, узнаешь назначение и название служб. Двор неожиданно представляется продолжением дома: он «крытый и имеет деревянный пол». Оказывающийся в этом пространстве «экипаж производит грохот, но и грохот этот не режет слух, он тоже «домашний». Раскаты звука лишь подтверждают величину домашнего мира, его простор: они слышны в каждой комнате, «отдаются эхом» во всем пространстве. Замки, ворота и т. д. не делают живущего здесь арестантом, заключенным. Пространство дома, двора в этом случае расширяется, оно захватывает и улицу. Их объединяет запах дубильной кислоты и сама «одубина», которой выстланы не только улица, но и двор. Заметим, что запах тюменской «одубины», столь часто терзающий обоняние многих литературных героев, неожиданно у Чукмалдина «приятен» и даже «чудесен». Такой дом — это уже не крепость, а «усадьба». Тюмень строилась таким способом, возможно, по аналогии с российским «дворянским гнездом», развивая его традиции. Тюменские «усадьбы» и «поместья» чем-то напоминают и московские купеческие. Замоскворечье в Москве «поднимается... с садами и огородами... с хозяйским привольем закровов, амбаров, погребиц, сараев... затейливых беседок и вышек» [16: 81].

Часто строгость и мрак города преодолеваются внутренним пространством сибирского (тюменского) дома, полным света и простора. В свою очередь, «бег» «галдареек», динамика путешествия по дому приостанавливаются статикой описания предметов домашнего обихода. Неторопливость купеческого быта выражается в метафорическом сравнении великолепных подушек с «отдыхающей после обеда купчихой» (Лухманова). Теплый домашний мир шерстяных домотканых ковров, которыми всегда славилась Тюмень (они с успехом продавались на Ирбитской и Нижегородской ярмарках), перин, подушек заставляет подумать об отдыхе и неге. Глаз развлекает многоцветье тканей. И человек чувствует себя «дома».

Русская проза конца XIX—начала XX вв. реализует сложные отношения человека и места. Сибирская земля, географическая и историческая «судьба» города Тюмени (город — «ворота Сибири») обуславливают появление в литературе своеобразного образа дома особого типа: дома-крепости, дома-усадьбы, дома-«гнезда» или даже «гнездышка».

ЛИТЕРАТУРА

1. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.
2. Гоголь Н. В. Мысли о географии // Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 7. М., 1913.
3. Телешов Н. Д. За Урал. Из скитаний по Западной Сибири // Телешов Н. Д. Избранное. М., 1987.
4. Потанин. Нужды Сибири // Сибирь: ее современное состояние и нужды : Сб. статей / Под ред. С Мельника. СПб., 1908.

5. Тобольские губернские ведомости. 1858. № 5.
6. Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год. Тобольск, 1864.
7. Достоевский Ф. М. Письма. Т. 1. М.; Л., 1928.
8. Абрамов Н. А. Город Тюмень. Тюмень, 1998.
9. Ядринцев Письма из Сибирской жизни. Из Тюмени // Беспалова Л. Г. Живое прошлое. Писатели XIX века о Тюмени. Свердловск, 1987.
10. Лухманова Н. А. В Глухих местах // Лухманова Н. А. Очерки из жизни в Сибири. СПб., 1896.
11. Чукмалдин Н. М. Мои воспоминания: В 2 ч. Ч. 1. Тюмень. 1899.
12. Дедлов В. Панорама Сибири. Путевые заметки. СПб., 1900.
13. Чехов А. П. Из Сибири // Полн. собр. соч. и писем. Т. 14–15. М., 1987.
14. Лухманова Н. А. Белокриницкий архиерей Афанасий // Лухманова Н. А. Очерки из жизни в Сибири. СПб., 1896.
15. Словцов И. Я. Письма из Тюмени претендента на должность городского головы // Литературные фантомы. Тюмень, 1997.
16. Боборыкин П. Д. Китай-город. М., 1979.

Ольга Константиновна ЛАГУНОВА —
доцент кафедры русской литературы,
кандидат филологических наук

Поэтика книги Ю. К. Вэллы «Белые крики»

УДК 894.5

АННОТАЦИЯ. В статье впервые книга лесного ненца Ю. К. Вэллы «Белые крики» анализируется как художественное целое, как единое речевое высказывание автора о мире.

The article includes the first analysis of the book «White screams» written by Y. K. Vella, a Nenets writer. The author tackles the novel as an artistic integrated whole and as a separate writer's utterance about the world.

В эпилоге книги Вэллы «Белые крики» [1] достаточно зримо обозначена фигура мира, представленная в виде некоего круга, отграничивающего одно пространство от другого. То, что «вокруг», не имеет границ, то, что «внутри», замкнуто в границы «моего стойбища». При этом, одно есть органическая часть другого: «вокруг» — это «жизнь», «внутри» — это «сердце самой жизни». Но акцентируемое уже в первом стихотворении книги «Сегодня» от цикла к циклу все активнее обнаруживает противопоставленность этих «величин»: «вокруг» (то, что вне круга) включает помимо «своего» и «чужое», «внутри» же (то, что в круге) ограничено только «своим». Читатель становится свидетелем того, как постепенно веками существовавшая гармония «оболочки» и «сердцевины» уступает место дисгармонии: непониманию, неприятию, отторжению.

Стихотворение, открывающее книгу, — о первой встрече с землей, о первом дне жизни. Время прихода — весеннее раннее утро, согретое «особым» солнечным теплом. Ожидание, рожденное встречей, — дорога, в которой каждый найдет все, что необходимо для жизни, дорога, которая предполагается быть «веселой», «быстрой», «вечной». И неважно, кто тот, что пришел: человек или олененок. Главное — зачем? Ответ — в названии цикла: «Врастание». Слово «врастать» обозначает «войти внутрь»